

ИЛЬЯ КОЛОДЯЖНЫЙ

“И ВНЯЛ Я НЕБА СОДРОГАНЬЕ...”

Второе рождение великой книги

В столичном издательстве “Согласие” вышел в свет уникальный памятник древнерусской литературы “Палея Толковая”, впервые переведённый на современный русский язык. Этому событию была посвящена международная научная конференция “Палея Толковая” в контексте древнерусской культуры XI–XVII вв.” Собравшиеся в Литинституте ведущие филологи-древники из разных стран обсудили – впервые в таком представительном составе – место и значение “Палеи” в русской словесности.

Большая Древнерусская Энциклопедия

Это кажется невероятным, но это действительно так: “Палея Толковая” впервые была переведена на современный русский язык только в XXI веке (первое издание “Палеи” – увы, практически не замеченное нашей прессой! – вышло в издательстве “Согласие” в 2002 году тиражом 1000 экземпляров и сразу стало библиографической редкостью, а нынешнее – уточнённое и исправленное – тиражом 205 экземпляров). “Палею” мы не найдём даже в таких полных собраниях древнерусской словесности, как 12-томные “Памятники литературы Древней Руси” (1978–1994) и 20-томная “Библиотека литературы Древней Руси” (выходит с 1997 года). Такое странное упущение обычно объяснялось так: мол, “Палея Толковая” слишком большая по объёму, и к тому же она, скорей всего, является переводным памятником. Но даже если согласиться с этими аргументами (хотя объём “Палеи” не так уж и велик – около 200 страниц, а её принадлежность к русской мысли разделялась большинством исследователей уже в начале XX века), почему тогда нельзя было опубликовать “Палею” хотя бы в извлечениях, как это делалось с другими объёмными переводными произведениями (например, практически весь 2-й том “Библиотеки литературы Древней Руси” состоит из подобной литературы).

В этом забвении древнейшего творения отечественной литературы можно усмотреть некую загадку и даже тайну. Отчасти это, несомненно, так. Однако многое становится ясным, если вспомнить, что другое выдающееся произведение, также относящееся к раннему периоду древнерусской литературы, – “Слово о Законе и Благодати” митрополита Илариона – обрело широкое признание только каких-нибудь 20–30 лет назад. То же следует сказать и о “Провсвителе” Иосифа Волоцкого, и о некоторых других памятниках русской средневековой литературы. Конечно, мы теперь, слава Богу, не можем ска-

зять, что “старинной словесности у нас не существует. За нами тёмная степь — на ней возвышается единственный памятник: *Песнь о полку Игореве*”, — как это сказал в 1830 году Пушкин. “Тёмная степь” ныне обильно заселена десятками прекрасных литературных памятников. И всё-таки ещё многое для нас пребывает во тьме. И дело не в том, что какие-то произведения до сих пор нам не известны (все наиболее значительные открытия сделаны в XIX веке), а в том, что эти произведения, давно известные узкому кругу специалистов, по тем или иным причинам не попали в поле нашего внимания. И далеко не случайно “Палея Толковая” именно сегодня становится достоянием современных (пусть пока и немногих!) людей. Значит, в этом есть необходимость, значит, мы, наконец, “доросли” и до “Книги бытия небеси и земли” (другое наименование “Палеи”). И здесь, к слову, нельзя не отметить чуткости издательства “Согласие”, уловившего в обществе потребность в этой книге.

“Палея Толковая” (от греч. “палейос” — древний, ветхий) является изложением Ветхого Завета, сопровождаемым пространными толкованиями и комментариями богословско-философского характера. При этом Ветхий Завет противопоставляется Новому Завету в пользу последнего. Отсюда антииудейская направленность “Палеи”, выражаемая в форме обличений “жидовина”.

Ещё до революции, когда “Палея” начала серьезно изучаться, филолог Александр Михайлов писал, что “если кто захотел бы по одному только памятнику познакомиться с мирозерцанием древних русских и с приблизительным запасом сведений, какими они располагали, то стоит этому читателю рекомендовать “Палею Толковую”, и она удовлетворит его и в том, и в другом отношении”. И действительно, в “Палее” можно найти “информацию” из самых разных областей знания: от анатомии человека до астрономии и космологии. Таким образом, “Палея” была первой русской энциклопедией и в каком-то смысле явилась предтечей российских энциклопедий Нового времени (начиная с энциклопедии Брокгауза и Ефрона), со свойственным им универсализмом, широтой и размахом мысли.

“Палея” датируется XI–XII веками. Сохранилось более 15 списков “Палеи”, самый старший из них — коломенский — 1406 года. Он и послужил основой для нынешнего перевода. Любопытно, что современный тираж (1205 экземпляров) “Палеи” почти совпадает с древним рукописным “тиражом”. Исходя из общепринятого расчёта, согласно которому до нашего времени дошел 1% от всех древнерусских книг, тираж “Палеи” в Древней Руси составлял примерно 1500 экземпляров.

История издания

О том, как родилась идея издать “Палею”, директор издательства “Согласие” Вацлав Михальский вспоминает так: “Однажды в конце 90-х годов я позвонил Кожинovu и спросил его:

— Вадим Валерианович, есть в России хотя бы одна неизданная Великая книга?

Он помолчал, наверное, затянулся табачным дымом (курил невероятно много) и потом ответил:

— Да, есть. “Палея Толковая”.

А дальше случилось, как в сказке. Едва я положил трубку, переговорив с Кожинovым, раздался звонок из Петербурга — это звонил по своим делам Дмитрий Сергеевич Лихачёв. И я тут же спросил его:

— Дмитрий Сергеевич, а есть в России хотя бы одна неизданная Великая книга?

— Да, есть, — ответил Лихачёв, — “Палея Толковая”.

И Лихачёв, и Кожинovы приняли вполне конкретное участие в работе над подготовкой “Палеи Толковой”, ожидавшей своего издания восемьсот (!) лет”.

Кожинov написал вступительное слово, Александр Камчатнов перевёл “Палею” на современный русский язык, Владимир Мильков и игумен Тихон (Сергей Полянский) сделали обширные комментарии (всего их 1 111), которые по объёму едва ли не превосходят древнерусский текст и чтение которых само по себе увлекательно. Стоит отметить, что издание рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви.

Так явилась на свет “Палея Толковая” во всём своём достоинстве и славе, которых она давно заслуживала. Уже одни только её внушительные размеры и не менее внушительный вес, вполне сопоставимые со средневековыми фолиантами, не могут не настраивать читателя на вдумчивое несуетное чтение.

“Как иней падает на траву без грома...”

До сих пор, на мой взгляд, очень мало говорилось о художественных достоинствах “Палеи”. Здесь, конечно, не место подробно разбирать этот вопрос, и я приведу только два примера, свидетельствующие о несомненной поэтичности, красоте и силе языка “Палеи”: “Как иней падает на траву без грома и молний, тихо и невидимо, и только на земле становится видимым, так и воплощение Сына Божия: не так, как сошёл на гору Синай в громах и молнии Тот, Кто страшен на Престоле в Небесах, но по милосердию к роду человеческому тихо и невидимо Он воплощается в чреве Девы, являя [Себя] при помощи Слова” и “Подобно тому, как кто-то отлил бы золотой слиток и потом раздробил его на монеты, так и всемогущий Художник разделил первый дивный единый свет на Солнце, Луну и звёзды. <...> Те два светила и звёзды Господь сотворил вне небес и потом приложил их к горней тверди, подобно тому как кто-нибудь из земных художников, создав какой-либо образ, потом прибавляет его к стене”.

В некоторых случаях эта красота слога при переводе на современный русский язык теряется. Например, фраза “земля убо, рече, украшена и упестрена бысть” переведена как “земля была разнообразно украшена”. Конечно, слово “упестрена” в современном лексиконе отсутствует, но, право же, жаль, что оно – такое яркое и свежее и, между прочим, не нуждающееся в переводе, – не вошло в современный текст.

“И вот я спрошу тебя, жидовин...”

Уже говорилось, что “Палея” имеет ярко выраженную антииудаистскую направленность, вследствие чего книгу иногда называют так: “Палея Толковая на иудея”.

“Палея” прямо-таки “упестрена” обращениями (чаще всего, весьма нелицеприятными) к оппоненту-“жидовину”: “И вот я спрошу тебя, жидовин...”, “Да понимаешь ли ты, окаянный жидовин...”, “Смотри же, жестокосердный жидовин...”, “Слышал ли ты, Христов супостат...”, “Пойми, жидовин...”, “Скажи же мне, жидовин...”

Полна “Палея” также вразумлений и увещеваний: “Послушай, однако, что сказал Господь Моисею...”, “Подумай как следует о том...”, “Внихни как следует в то...”, “Смотри и разумей...”, “Обрати слух ко всей земле...”, “Внимай своим умом...”, “А ты, жидовин, почему не веруешь...”, “Опомнись, окаянный, наконец...”, “Окаянный жидовин, преисполненный безумия, отчего ты не хочешь понять...”

Иногда автор “Палеи” не может сдержать своего недоумения: “Просто удивительно, как иудеи противятся божественной истине и, будучи побеждёнными, не стыдятся!”, “Ты же, жидовин, отчего смущаешься и почему бунтуешь, и отчего не познал истины?”

Впрочем, автор не оставляет надежды на исправление и спасение души своего оппонента: “Тебе от Творца [уготована] слава, по слову божественного Павла, которая выше души и разума человеческого. Зачем же ты своею волей лишаешься её? Отторгни же своё сердце от злого наущения”.

Всё это богатство и многообразие риторических оборотов может показаться современному читателю чем-то искусственным, всецело условным, если, конечно, воспринимать “Палею” как отвлечённый религиозный трактат, не связанный с древнерусской историей. Однако если предположить, что “Палея” является непосредственным откликом на длившееся почти двести лет жестокое противостояние Руси и Хазарского каганата, принявшего в VIII веке иудаизм, всё встаёт на свои места. И тогда страстность, пафос, непримиримость полемики, которая определяет форму и содержание “Палеи”, покажутся нам уместными и необходимыми.

Время, место, автор

К сожалению, ни автор, ни время и место создания “Палеи” не известны. На сегодняшний день можно с уверенностью говорить лишь о том, что “Палея” не является переводом с греческого или болгарского (как думали многие филологи в XIX веке), а принадлежит к оригинальным творениям русской мысли (хотя основу “Палеи” составляет компиляция из разных греческих и болгарских источников). Кроме того, большую пищу для размышлений даёт наличие общих мест в “Палее” и “Повести временных лет”; одни исследователи считают, что летопись восходит к “Палее”, другие же – что наоборот. Впрочем, наиболее убедительной представляется точка зрения, согласно которой “Палея” и летопись имели один общий источник.

Но, пожалуй, ближе всего по духу, по напряжённости мысли, по остроте полемики “Палея” стоит к “Слову о Законе и Благодати” (1038) митрополита Илариона, которое, что любопытно, получило своё высшее признание лишь в последние 20–30 лет (такое признание “Палеи” ещё впереди!). Конечно, было бы большим соблазном объявить автором “Палеи” Илариона. В самом деле, автор “Палеи” предстаёт перед читателем не учёным сухарём, не книжным червём, прилежно и педантично занимающимся компиляцией, а живым, с мощным бойцовским темпераментом полемистом-оратором, любимой стихией которого является спор, диспут. Не таков ли образ самого Илариона? Можно представить, как сей прославленный “муж благ, книжен и постник” на склоне лет, лишившись после смерти Ярослава Мудрого митрополичьей кафедры, пишет в монастырской келье (а по одному из преданий Иларион окончил свои дни монахом Киево-Печерского монастыря) свой последний вдохновенный труд... Это, разумеется, только догадка, и фантастическая догадка. Гораздо более вероятным и основательным является предположение, согласно которому автор “Палеи” принадлежал к кругу Илариона или к кругу его учеников. Отсюда можно определить и время создания “Палеи”; это был золотой век Софии (мудрости), который начался при Ярославе Мудром и завершился по кончине его внука Владимира Мономаха (при котором была написана “Повесть временных лет”). Следующая эпоха, связанная с постепенным культурным угасанием Киева и утратой им политической роли, едва ли способствовала бы появлению этого цельного творения, дышащего спокойным сознанием силы, страстным утверждением истины и духовной зрелостью.

Зачем сегодня читать “Палею”?

“Ныне настало время, когда это творение может и должно стать достоянием каждого мыслящего человека...”

В. Кожин

Ответ вроде бы напрашивается сам собой: чтобы быть культурным человеком, чтобы знать, что читали наши предки. Но этот ответ подразумевает, что “Палея” интересна нам как некий литературный “памятник”, содержание которого, однако, безнадежно устарело. При таком взгляде на “Палею” мы лишаем себя очень многого. Прежде всего – возможности приобщиться к давно утраченному нами целостному взгляду на мир. Когда мы читаем “Палею”, нас не может не поражать бесконечное удивление её автора Мирозданием, благодарное приятие и радостное славление мира, созданного Богом. И вот, попытавшись посмотреть вокруг себя глазами нашего далёкого предка, мы вдруг начинаем видеть, как беден и уныл окружающий нас техномир, созданный человеческими руками, и как чреват он стремительным вырождением.

Этот целостный взгляд, конечно, невозможен без веры, явленной нам на страницах “Палеи” во всей своей первородной свежести, силе и чистоте. И может быть, поэтому именно сегодня, когда явственно обозначились последние пределы рационального сознания, а вместе с ними и пределы научно-технического развития (поставленного теперь на службу потребительства и комфорта), когда все предрассудки и суеверия Средневековья меркнут перед главным предрассудком современности: верой в прогресс, – именно сегодня мы ощущаем (пускай ещё неосознанно) глубокую потребность в древ-

нерусской культуре, позволяющей нам прикоснуться к своим живительным истокам.

Одним словом, “Палея Толковая” – это не только древнерусская энциклопедия, с точки зрения современной науки давно устаревшая и поэтому имеющая сегодня сугубо исторический интерес, но и прекрасное творение, воплотившее духовный мир человека Древней Руси; то есть “Палея” относится к явлениям того же ряда, что и, к примеру, Софийский собор или, скажем, древний знаменный распев, звучавший в его стенах.

В. Кожин писал, что те, кто не пожалеют времени на чтение “Палеи”, “будут щедро вознаграждены: перед ними явятся и

*...неба содроганье,
И горний ангелов полёт...”*

Лихачёв и Кожин: встреча post mortem

Издание “Палеи Толковой” посвящено памяти Д. Лихачёва и В. Кожина. И это не случайно. Известно, что при жизни, начиная с конца 70-х годов, Лихачёв и Кожин перестали общаться друг с другом. В интервью газете “Трибуна” (1998, 10 апреля) Кожин так объяснял причину их расхождения: “С Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым в 60–70-е годы мы были в очень дружеских отношениях, а потом постепенно разошлись, и как раз из-за отношения к России. <...> Его начала заботить мысль: как бы не возродился русский национализм. Но пусть он докажет, когда это он господствовал. Не было такого времени”. Не принимал Кожин в Лихачёве и абсолютизацию интеллигентского самосознания, которое закономерно вело к западничеству.

Единственное, что объединяло их после разрыва отношений, – это древнерусская литература. Общеизвестен огромный вклад в дело изучения и пропаганды древнерусской словесности, сделанный Лихачёвым. Гораздо менее известна деятельность в этой сфере Кожина. Между тем, с его именем связано утверждение в современном общественном сознании высшей ценности творчества митрополита Илариона, преподобных Иосифа Волоцкого и Нила Сорского. Много сделал Кожин и для окончательного признания того, что русский богатырский эпос был в целом создан к началу XI века и, следовательно, являлся начальной стадией истории отечественного искусства слова (то есть былины предшествовали письменному “Слову о Законе и Благодати”).

И вот, в полном соответствии с названием издательства “Согласие”, данная книга вновь соединила и как бы примирила этих двух замечательных деятелей русской культуры.